

Научная статья
УДК 002.2 : 316.77
doi: 10.17223/23062061/39/6

КНИГОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ КНИГИ: ЭТНОМЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Виктор Алексеевич Мутьев¹

¹ Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия, victor.mutyev@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены современные научные подходы исследования книги и чтения, выделены их лакуны. В качестве перспективной модели анализа книжных коммуникаций предложен этнометодологический подход. Охарактеризованы генезис и эволюция этнометодологии, раскрыты ее базовые категории: постижимость, рефлексивность, документальность, текстуальность, индексичность. Обоснован тематический спектр микросоциальных книговедческих исследований и разработаны основные положения этнометодологического подхода применительно к теории книги: анализ речи, текста и носителя информации как единой знаковой системы; примирение уровней содержания и материальной формы книжных коммуникаций; изучение книжных форм как социального процесса преобразования читательских биографий в конкретные культурные практики.

Ключевые слова: книговедение, методология книговедения, теория книги, теория чтения, научные подходы, книжные коммуникации, медиакommunikation, микросоциальные исследования, этнометодология

Благодарности. Статья подготовлена при выполнении научного проекта «Книга, читатель, библиотека в современной медийной среде: динамика социальных, культурных и педагогических практик» в рамках реализации мероприятий программы развития ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры» на 2022–2026 годы.

Для цитирования: Мутьев В.А. Книговедение и история книги: этнометодологический подход // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 89–103. doi: 10.17223/23062061/39/6

Original article

BOOK SCIENCE AND HISTORY OF THE BOOK: THE ETHNOMETHODOLOGICAL APPROACH

Viktor A. Mutev¹

¹ Saint Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russian Federation,
victor.mutev@gmail.com

Abstract. Transformations in the communication space, driven by the rapid development of technological means for encoding, recording, disseminating, and consuming information, exert significant influence on the social and cultural practices of readers' interaction with texts. The contemporary mediatized environment necessitates an updating of the research approaches used in studying traditional and electronic communication media. The aim of this research is to analyze the heuristic potential of the ethnomethodological approach in book studies and to formulate key principles, objectives, and directions for studying books and reading using ethnomethodology's toolkit. The article examines contemporary scientific approaches to studying books and reading: functional, system-typological, historical, semiotic, and mediological. It concludes that there are gaps in the theoretical understanding and generalization of micro-social book studies research. As a promising paradigmatic model for analyzing book communications, the ethnomethodological approach developed in the works of H. Garfinkel, E. Livingston, A. McHoul, and R. Watson is proposed. The genesis and evolution of ethnomethodology are characterized, and its fundamental analytical categories (accountability, reflexivity, documentary method, texture, indexicality) and scientific methods (participant observation, breaching experiments, conversation analysis, analysis of social interaction context) are explained. A thematic spectrum of potential book studies research within the ethnomethodological framework is proposed: the role of books and reading in the formation of local identities; text-mediated communication within specific communities and diasporas; analysis of commemorative practices, samizdat (self-publishing), etc. Core principles of the ethnomethodological approach as applied to book theory have been developed: the post-non-classical stage of scientific development and the "collage-like" organization of experience for individuals, communities, and societies necessitate creating a map of historical-book discourses rather than a linear hierarchical typology or classification; the analysis of speech, text, and information carrier as a unified sign system; reconciling the level of content with the level of material form in book communications; studying book forms not as social facts, but as a social process of transforming reader biographies into specific cultural practices; understanding reading-as-a-social-phenomenon and text-as-a-social-thing, which find their embodiment in a prospective-retrospective model of reading.

Keywords: book science, book science methodology, book theory, reading theory, scientific approaches, book communications, media communications, microsocial research, ethnomethodology

Acknowledgments. The article was prepared as part of the scientific project "Book, Reader, Library in the Modern Media Environment: The Dynamics of Social, Cultural and Pedagogical Practices" during the implementation of the development program activities of Saint Petersburg State Institute of Culture for 2022–2026.

For citation: Mutev, V.A. (2025) Book science and history of the book: The ethnomethodological approach. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 39. pp. 89–103. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/6

Введение. Плюрализм научных подходов в книговедении

Современные книговедческие исследования характеризуются множественностью разрабатываемых и реализуемых научных подходов. К числу получивших наибольшее распространение в профессиональной среде относят функциональный, системно-типологический, исторический, семиотический, культурологический, медиалогический и др. [1].

Фокус функционального подхода [2] сосредоточен на анализе книги с точки зрения ее общественного назначения и в контексте многообразных читательских практик. Разработки, предпринятые в русле системно-типологического подхода [3], позволили выстроить логически выверенную иерархическую структуру общего (теоретического) книговедения, обозначить его объект, предмет, междисциплинарные связи, методологический инструментарий, в основу которого положен типологический метод. Однако, исходя из позиций современной постнеклассической парадигмы развития научного знания, одной из фундаментальных категорий которого стала кросс-дисциплинарность, а также интенсификация профессионального взаимодействия и обмена данными между различными отраслями, главным недостатком обоих подходов является их попытка обособить книговедение от широкого гуманитарного дискурса, сконцентрировать внимание на книжно-библиотечной тематике как автономизирующемся проблемном поле исследований.

Этот недостаток преодолевается в рамках исторического подхода [4–6], органично сочетающего книговедческое исследование различных способов фиксации, распространения и сохранения идей, каждый из которых обладает специфической социальной агентностью с ретроспективным анализом общественных преобразований.

В основе семиотического подхода [7] лежит анализ знаков, символов и мифов, конструирующих многоголосие смыслов и читательских интерпретаций в пространстве книжных коммуникаций. В последние несколько лет в книговедении активно разрабатывается медиалогический подход [8–10]. Мы рассматриваем его дальнейшее развитие сквозь приз-

му динамического объекта книговедения как шестиэлементной системы «автор – письмо – текст – книга (книжная форма) – чтение – читатель», позволяющей уделить особое внимание медийным характеристикам различных носителей информации и их влиянию на последовательно сменяющие друг друга информационные революции, модели мировосприятия и, как следствие, социальной организации.

Обозначенные подходы, безусловно, не исчерпывают полностью концептуальные основания книговедческих исследований. В научной периодике получили профессиональную поддержку документологический [11], культурологический [12], ценностный [13] и ряд других подходов. Но, несмотря на их сущностную и методологическую вариативность, они преимущественно оперируют понятиями и категориями, адекватными для изучения макроструктур в системе книжных коммуникаций и генерализации выдвигаемых научно-практических положений.

Вместе с тем анализ документального потока свидетельствует о наличии в нем и микрокниговедческих исследований, посвященных кругу чтения отдельных личностей, индивидуальным читательским биографиям, практикам чтения одной книги и т. д. Одной из возможных гносеологических основ которых, с нашей точки зрения, может выступить этнометодологический подход.

Этнометодология: генезис и эволюция

Этнометодология как самостоятельное научное направление в рамках социологических исследований обязано своим рождением трудам Гарольда Гарфинкеля [14], которые, в свою очередь, стали результатом радикального переосмысления идей его учителей – Эмиля Дюркгейма [15], Альфреда Шюца [16] и Толкотта Парсонса [17].

Социология, конструируемая в их трудах, описывала и признавала социальные факты как «вещи» или некую данность, предопределяющую развитие конкретных сценариев действий на различных уровнях принятия решений. Иными словами, социальные факты трактовались (и продолжают их последователями) как системообразующие элементы, порождающие ценности, нормы и правила, разделяемые большинством членов общества и ограничивающие пространство индивидуального действия. За границами этого ясно очерченного пространства любой акт маркируется девиантным и требующим корректировки. Следовательно, социальные факты довлеют над индивидом.

Одной из причин критики данной теории является требование следовать сформулированным правилам, встраивать новое знание в уже су-

существующие структуры, не взирая на адекватность их отражения социальной действительности. Поэтому, если структурно-функциональная парадигма Э. Дюркгейма, А. Шюца, Т. Парсонса описывала идеализированные универсальные научные модели и рассматривала общество сквозь их призму, то этнометодологический подход подвергает анализу конкретные практики действий здесь и сейчас, предлагая модель локальной объяснимости и рациональности.

Это методологическое противоречие представляет собой проблемную зону, требующую осмысления и в рамках современного теоретического книговедения, зачастую стремящегося следовать привычным дисциплинарным границам и представлениям о книге и чтении, сформированным в доцифровую эпоху со свойственной ей тенденцией к специализации и, следовательно, обособлению отраслевых научно-исследовательских практик.

Слепое следование канонам структурно-функциональной теории в книговедческом дискурсе приводит к тому, что реальный социальный порядок ускользает за удобством аналитических конструкций, связанных с формально-хронологической периодизацией истории книги, социально-демографическим сегментированием читательской аудитории, типологией книги, типизацией моделей чтения и т. д. Это ограничивает эвристический потенциал социально-гуманитарных наук, а в особенности наук, объект и предмет которых изначально тяготеет к автономности, самостийности, поиску сущностей в самом себе. К таким наукам относятся как книговедение, библиотековедение, библиографоведение, так и некоторые технические науки, например информатика, уже осознавшая потребность в преодолении закрытости дисциплинарных границ, что находит свое отражение в изучении многообразных аспектов человеко-машинного взаимодействия (юзабилити, UX-аналитика, глубинное обучение). Отметим, что взаимодействие социального и материального, естественного и искусственного также входит в перечень приоритетных тем этнометодологии.

Уже упоминавшийся нами Г. Гарфинкель, а также Э. Ливингстон [18], А. Макхоул [19], Р. Уотсон [20] противостоят дюркгеймовско-парсоновской традиции и выдвигают тезис о конструировании социальных фактов непосредственными участниками событий в процессе каждодневных рутинных операций. Так формулируется главная задача этнометодолога – изучать не свершившиеся факты, а процесс и причины их возникновения.

Задача осталась неизменной, а этнометодология за прошедшие полвека сформировалась в самостоятельное научное направление (на стыке

микросоциологии, «понимающей» социологии, антропологии и этнографии), в рамках которого изучаются алгоритмы и технологии формирования социального порядка в каждодневных ситуациях, возникающих в процессе жизнедеятельности человека. Этнометодологи исходят из того, что все действия и ситуации повседневны, организованы, имеют свою логику упорядочивания, воспроизводства норм и должны анализироваться как конкретные «действия в контексте» [21].

Этнометодологический подход: базовые категории анализа и методологический аппарат

Каждому осуществляемому действию присущи определенные формальные свойства, представляющие собой базовые категории этнометодологического анализа, к ним относятся:

1. Постижимость (accountability), то есть потенциальная объяснимость и закономерность реализации определенных практик.

2. Рефлексивность (reflexivity) – описание действий посредством речевых высказываний, которые приобретают смысл только через призму обстоятельств их производства. Такие отношения взаимозависимости можно назвать рефлексивностью речевых ситуаций.

3. Документальность и текстуальность (the documentary method of interpretation), поскольку «практически любая известная в нашем обществе деятельность имеет текстуальные аспекты» [20. С. 91] и, следовательно, материализуется посредством письма в различных книжных формах. Они, в свою очередь, являются результатом процесса капитализации всех ресурсов обстановки их создания (биография автора, конкретная исторически обусловленная ситуация авторской, редакторской, издательской деятельности, текущие потребности аудитории и т. д.). То есть фокус этнометодологического подхода должен быть сконцентрирован на способах, методах, алгоритмах придания значений (означивания) в локализованных повседневных практиках и обстоятельствах осуществления книжных коммуникаций.

Тексты, позволяющие конструировать значение в одной ситуации, в другой будут звучать иронично, враждебно или вообще непонятно. Какая из множества потенциально возможных интерпретаций, какое из прочтений окажется релевантным конкретной рассматриваемой ситуации? Для ответа на этот вопрос необходимо эксплицировать процедуры, при помощи которых акторы определяют соответствие или несоответствие интернализированных (усвоенных ими) правил и норм сложившимся обстоятельствам. Иными словами, одной из задач этнометодологичес-

кого подхода является установление логических и ассоциативных отношений между индивидуальной биографией читателя и конкретными осуществляемыми им действиями – чтением, интерпретацией, трансляцией смыслов.

4. Индексичность (*indexicality*) проявляется посредством связи между речью (устной или письменной) и ситуацией, в которой осуществляется коммуникация, позволяет соотнести зависимость значений и производимого смысла от места, времени, обстоятельств речевых высказываний. Мы, продолжая разработки А. Макхоула и Э. Ливингстона, акцентируем внимание на материально фиксируемых речевых ситуациях, то есть книжных формах во всем многообразии их проявлений. Индексичность, как одно из ключевых анализируемых свойств, роднит этнометодологию с практикой дискурс-анализа, только проецируя исследовательскую программу на микроуровень (интра/интергрупповую коммуникацию), в отличие от дискурс-анализа, ориентированного преимущественно на коммуникацию массовую.

Это свойство порождает один из концептуальных принципов этнометодологии. Он заключается в том, что любое взаимодействие, реализуемое через опосредованное (медиатизированное) или непосредственное (немедиатизированное, устное) общение, по своей природе контекстуально. Однако значение этого контекста доступно только тем, кто находится внутри коммуникативной ситуации, извне оно непостижимо и внешним акторам не объясняется, так как они исключены из цепочки взаимодействия. Реализация этого принципа предполагает физическую и интеллектуальную включенность ученого-этнометодолога в исследуемое коммуникационное пространство. Отметим, что анализ контекста имеет, в том числе, сугубо практическую ценность с точки зрения формирования навыков критического прочтения, медиапотребления и осознанного информационного поведения.

Принцип контекстуального действия объясняет предрасположенность этнометодологии к качественным методам научного познания, среди которых наиболее широко используются:

- (гипер)включенное наблюдение – погружение исследователя в пространство социальных интеракций, не являющееся для него рутинным, в том числе, преодоление себя, освоение новых компетенций, адаптация к конкретным условиям и т. д.;

- кризисные эксперименты (конструирование аномалий) предполагают работу, искусственным образом нарушающую традиционный ход событий, позволяют нарушить привычные принципы, процедуры и фо-

новые ожидания участников эксперимента, чтобы наблюдать за их последующим построением вне рамок сложившихся фреймов; такая работа требует больших интерпретационных усилий, приложение которых и позволяет выявить этнометоды;

– конверсационный анализ – изучение речевого поведения акторов с акцентом на механике коммуникационного процесса (формат, структура, жанр, логика повествования, способы аргументации, подбор лексических единиц). Задачи этнометодологического конверсационного анализа очень точно коррелируют с книговедческой проблематикой, фокус которой неразрывно связан с объектом и предметом науки о книге и направлен не столько на анализ содержания передаваемых сообщений, сколько на способы его кодирования, воплощения, презентации, дистрибуции.

Кроме того, этнометодологический подход предполагает активное применение таких методов, как анализ фоновых ожиданий, анализ контекста социальных интеракций, глубинные интервью, кейс-стадис, некоторые из которых уже достаточно успешно интегрированы в библиотечно-информационные науки [22].

Говоря о научном инструментарии этнометодологического подхода, уместно провести аналогию с программированием (computer programming) и зафиксировать, что он до сих пор существует и развивается с «открытым кодом», позволяющим моделировать теоретико-методологические основания под конкретные научные направления и задачи, в нашем случае – книговедческие.

Этнометодологический подход в книговедении: проблемное поле и ключевые положения

Проведенное исследование позволило установить научные проблемы, которые могут быть частью этнометодологического подхода к изучению книги и чтения, а также разработать его основные положения. К тематическому спектру этнометодологических исследований книги могут быть отнесены:

- роль книжных коммуникаций в процессе формирования локальных идентичностей;
- изучение этнических особенностей книжной коммуникации отдельных сообществ, в том числе издательских практик диаспор;
- практики самиздата и их организация, в том числе в цифровой среде;

– бытование отдельных книжных форм в современном постиндустриальном обществе, их встраивание в прагматику коммуникаций, культурные индустрии;

– анализ коммеморативных практик локальных сообществ и др.

К конкретным примерам исследований, в значительной степени соотносящихся с обозначенным тематическим спектром и выполненным в методологическом ключе, весьма близком к рассматриваемому в настоящей статье, относится многолетнее литературно-книговедческое и историко-культурологическое изучение личной библиотеки В.А. Жуковского [23–30]. Тщательный анализ помет на сочинениях общественных мыслителей [26] и в рукописных материалах личного собрания [27], осмысление круга чтения поэта как динамично развивающейся системы [28], реконструкция читателеведческой проблематики по материалам литературной критики [29], а также исследование эпистолярного наследия В.А. Жуковского [30] наглядно демонстрируют возможности реализации ряда положений, созвучных этнометодологическому подходу при проведении историко-книжных изысканий.

Исследования цифровой книги и специфических моделей чтения электронных текстов имеют еще больший потенциал с точки зрения реконструкции контекстов, организации кризисных экспериментов и применения конверсационного анализа, например, в процессе изучения книжных блогов, онлайн-критики и т. д.

Вне зависимости от эмпирического массива анализируемых данных, принципиальными для этнометодологического исследования книги и чтения положениями являются следующие:

1. Постнеклассический этап развития науки и «коллажная» организация опыта индивидов, сообществ и обществ обуславливают необходимость создания карты историко-книжных дискурсов, а не линейной иерархической типологии или классификации. В первую очередь, речь идет о включении этнокультурного, точнее – локального этнокультурного (ограниченного определенной территорией) фактора в книговедческие исследования. Это предполагает отход от поиска общих закономерностей у децентрализованной структуры книжного производства и потребления в сторону изучения распределенных точек и связей текст-опосредованной коммуникации, а на основании этого построение культурной матрицы историко-книжных дискурсов, которые находятся в постоянном взаимодействии, но не являются единым целым. Стремление к унификации и гомогенизации [31], необходимое, например, при систематизации документов и ряде других прикладных процедур в рамках библиотечно-информационной деятельности, рискует обернуться редук-

цией смыслов в общегуманитарных научных исследованиях, в том числе книговедческих.

2. Нарушение соединенности речи и носителя с точки зрения знаковой системы невозможно (лишь умозрительно – для реализации отдельных аналитических процедур). Этнометодологические исследования трактуют речь и ее носитель как неразделимый канал, как взаимосвязанную знаковую систему. Из этого следует, что книговеда, изучающего читателя и чтение должны интересовать механизмы означивания, без которых эта социальная практика (чтение) немыслима и, более того, не имеет никакого смысла. В данном случае книговедение выступает в качестве одного из ресурсов формирования интеллектуальной истории человечества, истории идей, социальной истории медиа.

Филология, социология, юриспруденция, исторические науки акцентируют внимание на содержании различных текстовых форм во всем их жанрово-стилистическом разнообразии – романах, повестях, рейтингах, интервью, декларациях, нормативно-правовых актах; книговедение – на способах, методах и формах производства, передачи и сохранения материально фиксированных форм во времени и пространстве, а также их означивании в процессе прочтения и последующей интерпретации.

3. Этнометодология создает предпосылки для аналитического примирения двух уровней книжных коммуникаций – уровня содержания (литература, информационная аналитика, управление знаниями) и уровня материальной формы, способов ее производства, диссеминации и потребления (книговедение, библиография, социология текстов). Такой синтез ориентирует на изучение книги не как статичного материального артефакта, а как динамичного, но целостного семиотического единства.

4. Бытование книжных форм не есть свершившийся социальный факт, а процесс преобразования индивидуальных читательских траекторий в правила, нормы, ценности. Традиционная социология, а вслед за ней и книговедение в процессе исследований рассматривают окружающий их мир как состоящий из уже совершенных фактов и способный быть разложенным на четкие категории, нормы, статусы, позиции. Тексты воспринимаются как данность, как нечто само собой разумеющееся, законченное, считанное действие, а механизмы, при помощи которых факты становятся как таковыми, объективно существующими остаются вне поля зрения.

С нашей точки зрения, такой подход имеет право на существование, например, в рамках корпуса текстологических и лингвистических исследований, ориентированных на изучение законов развития языка, но неприемлем для наук, изучающих различные этапы и формы социокуль-

турного развития. Их общественная роль состоит в накоплении интеллектуального капитала, воссоздающего объективные причинно-следственные связи совершаемых микросоциальных действий и новаций при помощи различных интерпретационных стратегий. Именно к таким наукам относится книговедение и, строго говоря, все библиотечно-информационные науки.

Таким образом, история и теория книги создают предпосылки для описания и понимания социально-культурных закономерностей в исторической ретроспективе и перспективе. Эти закономерности, в свою очередь, проявляются не как данность во всей ее фатальности, а как совокупность многообразных частных, пребывающих в движении текстопосредованных взаимодействий, то есть как система обмена символическими формами посредством книжных (шире – медиатизированных) коммуникаций.

5. Понимание чтения как социального феномена (*reading as a social-phenomenon*) [19], а также текста как социальной вещи находит свое воплощение в перспективно-ретроспективной модели чтения. Она проявляется в том, что индивидуальные значения формируются не только благодаря уже прочитанному (ретроспективная фаза), но и с учетом медиаэффектов, полагаемых к возникновению в контексте меняющихся фоновых ожиданий и личного опыта (перспективная фаза).

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что этнометодологический подход актуален и релевантен для исследования книги и чтения на микросоциальном уровне. В первую очередь, при изучении механизмы взаимодействия различных субъектов книжного процесса; способов кодирования, декодирования, интерпретации и формирования смыслов; последующей интеграции означенных текстов в рутинизированные практики.

Магистральной целью этнометодологических исследований книги и чтения должно стать описание устойчивых смысловых структур (фреймов), определяющих логику и алгоритмы коммуникативного действия. Решение этой задачи будет способствовать переосмыслению истории идей, технологий их социального воплощения, а также логики конкретных тактических действий в современном медийном пространстве.

Таким образом, возможности этнометодологического подхода могут, с одной стороны, расширить представления о карте историко-книжных дискурсов и стимулировать дальнейшее развитие теории книги, с дру-

гой – быть интегрированы в процесс моделирования прикладных книгоиздательских и книгораспространительских стратегий, ориентированных на нишевые сегменты книжного рынка и удовлетворение спроса малых адресных групп. Эти перспективы связаны с тем, что подход фокусируется на ситуативности и контекстуальности взаимодействия с медиа, то есть может быть положен в основу информационно-библиографического проектирования интерактивных траекторий читательского развития.

Список источников

1. Эльяшевич Д.А., Мутьев В.А. Зарубежное книговедение: анализ исследовательских подходов (на примере переведенных монографий) // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 4. С. 180–186. doi: 10.30725/2619-0303-2020-4-180-186
2. Баренбаум И.Е. Основы книговедения : учеб. пособие по курсу «Книговедение и история книги». Л. : Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н.К. Крупской, 1988. 91 с.
3. Беловицкая А.А. Книговедение. Общее книговедение : учебник. М. : Моск. гос. ун-т печати, 2007. 393 с.
4. Барбье Ф. Европа Гутенберга: книга и изобретение западного модерна (XIII–XVI вв.) / пер. с фр. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Марковой. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. 491 с.
5. Febvre L., Martin H.-J. The coming of the book: The impact of printing 1450–1800. London ; New York : Verso, 1990. 378 p.
6. Eisenstein E.L. The printing press as an agent of change: Communications and cultural transformations in early-modern Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 1979. 794 p.
7. Червинский М., Зберский Т. Система книги. Семиотика книги. М. : Книга, 1981. 128 с.
8. Лизунова И.В., Павленко С.В. Трансформация книги в условиях медийных революций // Библиосфера. 2020. № 1. С. 12–23. doi: 10.20913/1815-3186-2020-1-12-23
9. Маркова В.А. Книга в социально-коммуникативном пространстве: прошлое, настоящее, будущее. СПб. : Профессия, 2019. 343 с.
10. Мутьев В.А., Эльяшевич Д.А. Теория медиа М. Маклюэна и современный книговедческий дискурс: точки пересечения // Библиосфера. 2021. № 4. С. 3–13. doi: 10.20913/1815-3186-2021-4-3-13
11. Столяров Ю.Н. Документология: причины появления, этапы развития // Научные и технические библиотеки. 2021. № 1. С. 15–26.
12. Лютов С.Н. Методологические основания междисциплинарных исследований современной книжной культуры // Научные и технические библиотеки. 2019. № 9. С. 56–70.
13. Соколов А.В., Тургаев А.С. Традиционные ценности и книжная культура // Научные и технические библиотеки. 2022. № 7. С. 116–128. doi: 10.33186/1027-3689-2022-7-116-128.
14. Garfinkel G. Studies in ethnomethodology. New Jersey : Prentice Hall Inc., Englewood Cliffs, 1967. 288+xvi p.
15. Дюркгейм Э. Самоубийство / пер. с фр. А. Ильинского. М. : N : АСТ, 2020. 512 с.
16. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004. 1055 с.

17. Parsons T. The structure of social action. New York : Free Press, 1967. 817 p.
18. Livingston E. An anthropology of reading. Bloomington : Indiana University Press, 1995. 161 p.
19. McHoul A. Ethnomethodology and literature: Preliminaries to a sociology of reading // Poetics. 1978. Vol. 7, iss. 1. P. 113–120.
20. Уотсон Р. Этнометодологический анализ текстов и чтения // Социологический журнал. 2006. № 1/2. С. 91–128.
21. Гарфинкель Г., Корбут А. Что такое этнометодология? // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3, № 4. С. 3–25.
22. Варганова Г.В. Научные исследования в библиотечно-информационной сфере: отечественные и зарубежные практики. СПб. : С.-Петербург. гос. ин-т культуры, 2018. 208 с.
23. Библиотека В.А. Жуковского в Томске: в 3 ч. / отв. ред. Ф.З. Канунова. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1978–1988.
24. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья 1 // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 461. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/461/1
25. Айзикова И.А. Педагогическая проза М.Н. Муравьева и В.А. Жуковского: к вопросу о преемственных связях (на материале сочинений на исторические темы). Статья 2 // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/471/1
26. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 523 с.
27. Жиликова Э.М., Киселев В.С. «План учения наследника... цесаревича Александра Николаевича» в контексте педагогического наследия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 6. С. 125–136.
28. Канунова Ф.З., Янушкевич А.С. В.А. Жуковский в современном мире: итоги и перспективы изучения наследия поэта в Томском университете // Вестник Томского государственного университета. Гуманитарный специальный выпуск. 1998. Т. 266. С. 47–53.
29. Айзикова И.А. Проблема читателя в литературной критике В.А. Жуковского // Текст. Книга. Книгоиздание. 2015. № 2 (9). С. 44–58. doi: 10.17223/23062061/9/4
30. Айзикова И.А. В.А. Жуковский – идеолог и практик образования и воспитания великого князя Александра Николаевича (на материале писем к К.К. Мёрдеру) // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 5–15. doi: 10.17223/15617793/448/1
31. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. 2-е изд. М. : Гиперборей : Кучково поле, 2007. 462 с.

References

1. Elyashevich, D.A. & Mutev, V.A. (2020) Zarubezhnoe knigovedenie: analiz issledovatel'skikh podkhodov (na primere perevedennykh monografiy) [Foreign Book Studies: Analysis of Research Approaches (Based on Translated Monographs)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 4. pp. 180–186. doi: 10.30725/2619-0303-2020-4-180-186
2. Barenbaum, I.E. (1988) *Osnovy knigovedeniya* [Fundamentals of Book Studies]. Leningrad: Leningrad State Institute of Culture.
3. Belovitskaya, A.A. (2007) *Knigovedenie. Obshchee knigovedenie* [Book Studies. General Book Studies]. Moscow: Moscow State University of Printing Arts.

4. Barbier, F. (2018) *Evropa Gutenberga: kniga i izobretenie zapadnogo moderna (XIII–XVI vv.)* [Gutenberg's Europe: The Book and the Invention of the Modern West (13th–16th Centuries)]. Translated from French by I. Kushnareva. Moscow: The Gaydar Institute.
5. Febvre, L. & Martin, H.-J. (1990) *The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450–1800*. London; New York: Verso.
6. Eisenstein, E.L. (1979) *The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early-Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Chervinskiy, M. & Zberskiy, T. (1981) *Sistema knigi. Semiotika knigi* [The System of the Book. The Semiotics of the Book]. Moscow: Kniga.
8. Lizunova, I.V. & Pavlenko, S.V. (2020) Transformatsiya knigi v usloviyakh mediynnykh revolyutsiy [Transformation of the Book in the Context of Media Revolutions]. *Bibliosfera*. 1. pp. 12–23. doi: 10.20913/1815-3186-2020-1-12-23
9. Markova, V.A. (2019) *Kniga v sotsial'no-kommunikativnom prostranstve: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The Book in the Social and Communicative Space: Past, Present, Future]. St. Petersburg: Professiya.
10. Mutev, V.A. & Elyashevich, D.A. (2021) Teoriya media M. Maklyuena i sovremennyy knigovedcheskiy diskurs: tochki peresecheniya [M. McLuhan's Media Theory and Contemporary Book Studies Discourse: Points of Intersection]. *Bibliosfera*. 4. pp. 3–13. doi: 10.20913/1815-3186-2021-4-3-13
11. Stolyarov, Yu.N. (2021) Dokumentologiya: prichiny poyavleniya, etapy razvitiya [Documentology: Reasons for Emergence and Stages of Development]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. 1. pp. 15–26.
12. Lyutov, S.N. (2019) Metodologicheskie osnovaniya mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy sovremennoy knizhnoy kul'tury [Methodological Foundations of Interdisciplinary Research of Modern Book Culture]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. 9. pp. 56–70.
13. Sokolov, A.V. & Turgaev, A.S. (2022) Traditsionnye tsennosti i knizhnaya kul'tura [Traditional Values and Book Culture]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. 7. pp. 116–128. doi: 10.33186/1027-3689-2022-7-116-128
14. Garfinkel, H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. New Jersey: Prentice Hall Inc., Englewood Cliffs.
15. Durkheim, É. (2020) *Samoubiystvo* [Suicide]. Translated from French by A. Ilinskiy. Moscow: N: AST.
16. Schütz, A. (2004) *Izbrannoe: Mir, svetyashchiysya smyslom* [Collected Works: The World Illuminated by Meaning]. Translated from German. Moscow: ROSSPEN.
17. Parsons, T. (1967) *The Structure of Social Action*. New York: Free Press.
18. Livingston, E. (1995) *An Anthropology of Reading*. Bloomington: Indiana University Press.
19. McHoul, A. (1978) Ethnomethodology and Literature: Preliminaries to a Sociology of Reading. *Poetics*. 7(1). pp. 113–120.
20. Watson, R. (2006) Etnometodologicheskiy analiz tekstov i chteniya [Ethnomethodological Analysis of Texts and Reading]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1/2. pp. 91–128.
21. Garfinkel, H. & Korbut, A. (2003) Chto takoe etnometodologiya? [What is Ethnomethodology?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 3(4). pp. 3–25.
22. Varganova, G.V. (2018) *Nauchnye issledovaniya v bibliotечно-informatsionnoy sfere: otechestvennye i zarubezhnye praktiki* [Scientific Research in the Library and Information Sphere: Domestic and Foreign Practices]. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Culture.
23. Kanunova, F.Z. (ed.) (1978–1988) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo v Tomske: v 3 ch.* [The Library of V.A. Zhukovsky in Tomsk: in 3 parts]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Ayzikova, I.A. (2020) Mikhail Muravev's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 461. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/461/1

25. Ayzikova, I.A. (2021) Mikhail Muravev's and Vasily Zhukovsky's Pedagogical Prose: On the Relations of Succession (Based on Essays on Historical Topics). Article One. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/471/1
26. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the World of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
27. Zhilyakova, E.M. & Kiselev, V.S. (2014) "Plan of the education... of Tsarevich Alexander Nikolaevich" in the context of V.A. Zhukovsky's pedagogical legacy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 6. pp. 125–136. (In Russian).
28. Kanunova, F.Z. & Yanushkevich, A.S. (1998) V.A. Zhukovskiy v sovremennom mire: itogi i perspektivy izucheniya naslediya poeta v Tomskom universitete [V.A. Zhukovsky in the Modern World: Results and Prospects of Studying the Poet's Legacy at Tomsk University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyy spetsial'nyy vypusk*. 266. pp. 47–53.
29. Ayzikova, I.A. (2015) The Problem of the Reader in V.A. Zhukovsky's Literary Criticism. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 2(9). pp. 44–58. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/9/4
30. Ayzikova, I.A. (2019) Vasily Zhukovsky as an Ideologist and Practitioner of Education and Bringing-Up of Grand Prince Alexander Nikolaevich (Based on the Letters to Karl Merder). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 5–15. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/448/1
31. McLuhan, M. (2007) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man]. 2nd ed. Translated from English. Moscow: Giperboreya : Kuchkovo pole.

Сведения об авторе:

Мутьев Виктор Алексеевич – кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научной и творческой работе, доцент кафедры медиалогии и литературы Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: victor.mutyev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Viktor A. Mutev, Cand. Sci. (Pedagogy), vice-rector, associate professor, Saint Petersburg State Institute of Culture (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: victor.mutyev@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.10.2023;
одобрена после рецензирования 27.10.2023; принята к публикации 01.10.2025*

*The article was submitted 05.10.2023;
approved after reviewing 27.10.2023; accepted for publication 01.10.2025*